

О.А. Аршинцева

Позиция британского руководства по вопросам войны и мира в 1917 г.

1917 г. в истории Первой мировой войны оказался переломным во многих отношениях, в частности, потому что политический вектор развития событий и политические интересы держав-участниц стали приобретать все большее значение. Подтверждением этому были две революции в России и вступление США в войну в апреле 1917 г., политический смысл которого в тот момент явно преобладал над реальным военно-стратегическим значением этого шага, а также активизация внешнеполитической деятельности всех ведущих стран в разработке и обсуждении проектов будущего мирного урегулирования. Формальное начало этому процессу положили германская нота, американская реакция и отклики на нее европейских держав Антанты в декабре 1916 г. Уже в ходе этих дискуссий Великобритания заявила о принципах, которые, с британской точки зрения, должны соблюдаться при обсуждении будущих мирных программ. Они легли в основу внешнеполитической позиции нового коалиционного кабинета Д. Ллойд Джорджа, пришедшего к власти в декабре 1916 г. Именно ему предстояло решать главную политическую задачу – на протяжении почти двух лет вести страну по нелегкому пути от войны к миру и сформулировать британские национально-государственные интересы.

В начале 1917 г. для английского руководства главными принципами были победа в войне как основа будущего мирного урегулирования и в связи с этим отказ от каких-либо конкретных заявлений и формулировок по поводу военных целей. На рубеже 1916–1917 гг. появился ряд проектов будущего мироустройства, авторами которых выступали влиятельные политики и политические советники, в том числе генерал Робертсон, Бальфур и др., буквально пронизанные традиционными для британского геополитического сознания принципами восстановления равновесия сил в Европе и упрочения мирового статуса Британской империи [1, с. 549–555, 577–584]. Эти идеи, выражаясь фигурально, витали в политической атмосфере Британии и составляли определенный идеологический фон, несомненно, влиявший на позицию правительства. В указанном ключе были выдержаны и реше-

ния имперской конференции, проходившей в Лондоне весной 1917 г., в результате которой правительству Ллойд Джорджа удалось консолидировать интересы метрополии и доминионов и упрочить имперские тылы перед лицом сложной военно-стратегической и международной ситуации.

На деле указанные принципы составляли лишь общие контуры британской позиции в отношении целей войны и урегулирования, которая в каждой конкретной ситуации была в большей степени прагматической. Не следовать догме, проявлять гибкость и маневренность столь точно соответствовало политическому стилю и темпераменту Ллойд Джорджа, что позволяло сохранять реальное лидерство в военном кабинете, состоящем из неординарных и опытных политиков. И министр иностранных дел Бальфур, и его парламентский заместитель Сесиль, и Милнер, стоявший у истоков внешнеполитической программы нового правительства в 1916 г., при всех частных разногласиях с премьером, безусловно признавали его первенство.

Отмеченная гибкость в сочетании с традиционным политическим прагматизмом могут объяснить известную противоречивость правительственной позиции весной 1917 г. Призывы вести войну до победного конца, выполнявшие определенные мобилизационные задачи по отношению к общественному настроению, сочетались с растущим пессимизмом в оценках перспектив завершения войны. Военный советник премьера генерал Робертсон, выражая профессиональное мнение, которое разделяло все больше политиков, полагал, что в наступившем году она вряд ли закончится [2, р. 96–97]. Состояние дел на фронтах оставалось по-прежнему одним из основных факторов, влиявших на правительственную позицию. Так, первоначальный энтузиазм, связанный с надеждами на успех летнего наступления во Фландрии, вновь сменился пессимизмом из-за его неудачи и больших, более 300-тысячных людских потерь англичан. Наряду с другими обстоятельствами, о которых будет сказано ниже, это сказало на английской официальной позиции в связи с августовской нотой папы римского Бенедикта XV, содержавшей мирные предложения.

На протяжении первой половины 1917 г. внутри страны росло чувство общей усталости от войны, что создавало благоприятную почву для оживления агитации Союза демократического контроля. Его лидеры были вдохновлены посредническими усилиями американского президента Вильсона на рубеже 1916–1917 гг. и последующим вступлением США в войну в апреле 1917 г. Как известно, британские политики и Ллойд Джордж, в первую очередь, не разделяли энтузиазма английских радикалов по поводу внешнеполитической концепции президента, но были вынуждены считаться с Америкой из прагматических соображений. Наряду с межсоюзническими отношениями в рассматриваемый период возросло влияние американского фактора на британскую внешнюю политику, особенно при разработке проектов мирного урегулирования. Со своей стороны Вильсон имел представление, хотя и преувеличенное, о разногласиях со своими европейскими коллегами по вопросу о целях войны, но хотел как можно дольше избежать открытого раскола. Он также надеялся, что к концу войны державы Антанты будут настолько ослаблены по сравнению с США, что это позволит последним диктовать свои условия. Примечательно, что во время визита в США весной 1917 г. Бальфур пытался ознакомить президента с содержанием секретных договоров Антанты, но встретил абсолютное нежелание слушать [2, р. 101]. И вообще, вплоть до начала 1918 г. любые попытки англичан скоординировать британские военные цели с американскими заканчивались неудачей. Даже Сесиль, один из самых крепких профессионалов в международной сфере, ошибся в оптимистичной оценке перспектив установления тесного англо-американского партнерства на ближайшие годы (он оказался прав только в долгосрочной перспективе). Трезвомыслящие британские политики были вынуждены признавать растущую материальную зависимость союзников от США, поэтому предпочитали пока «не будить спящую собаку» – не поднимать раньше времени вопрос о целях войны.

Внешним поводом к возобновлению (после обсуждения ответов на декабрьскую 1916 г. ноту Германии) дискуссий на эту тему стала уже упоминавшаяся нота главы Ватикана от 1 августа 1917 г. Главной идеей этого обращения к воюющим сторонам было предложение восстановить довоенный *status quo* с последующим переходом к разоружению и международному арбитражу. Выступление папы

предварялось (а по мнению некоторых исследователей, было спровоцировано) принятием 19 июля известной «мирной резолюции» германского рейхстага. Она была выдержана в таких же общих, но более мягких выражениях, чем декабрьская 1916 г. нота, отвергнутая союзниками и фактически США. С точки зрения британского правительства, реакция на обращение Ватикана будет опосредованным ответом на германскую инициативу. Эта схема, казалось, повторяла декабрьскую ситуацию, когда союзники выражали свое отношение к германским предложениям не напрямую, а через США. Отличие, однако, состояло в том, что теперь британское руководство, по крайней мере внешне, не отвергало саму возможность контактов с Германией, за одним исключением сохраняя в принципиальных моментах верность заявленной в январе позиции. В ответе на ноту папы было выражено несогласие с принципом восстановления *status quo* и особо подчеркивалось, что переговоры с Германией будут зависеть от того, гарантирует ли она восстановление Бельгии. Изменение заключалось в том, что англичане перестали связывать военное поражение Германии с ее внутренним переустройством и настаивали теперь только на ее отказе от агрессии в качестве основы будущих договоренностей [3, р. 131–134]. Именно этот пункт вызвал разногласия с американской позицией, поскольку для Вильсона восстановление *status quo* означало, что в Германии останется нынешний политический режим, что в корне противоречило его идее глобальной демократизации. В тот момент эта разница позиций имела скорее абстрактный, нежели практический смысл, поскольку ответная германская нота не содержала конкретных условий, а просто повторяла расплывчатую формулировку «мирной резолюции»: мир на основе обеспечения безопасности Германии [2, р. 105].

Рассматриваемый этап британской политики завершают дискуссии по проблемам будущего мира, развернувшиеся на заседаниях военного кабинета в конце сентября 1917 г. Поводом к ним стали германские дипломатические обращения к Англии через посредничество испанского министерства иностранных дел и Франции через германского эмиссара в Стокгольме. С точки зрения Ллойда Джорджа, которую Бальфур не разделял, предпочтительнее для контактов был полуофициальный «французский канал», так как позволял действовать без американского вмешательства, к тому же этот вариант предложений был при-

влекательнее. Он включал согласие Германии на восстановление Бельгии и Сербии, отказ от колоний и возврат Эльзас-Лотарингии Франции, при этом предполагалось, что на востоке Германия сохранит свободу рук [4, р. 583–588]. Последний пункт был напрямую связан с интересами России и местом, которое британские политики отводили ей в своих планах мирного урегулирования. Сентябрьские дискуссии в правительстве стали кульминационным пунктом в обсуждении «русского вопроса» между Февралем и Октябрем 1917 г.

Положение России в Антанте после Февральской революции не могло не измениться, тем более Временное правительство не смогло задержать нарастание военного кризиса. В этой связи вполне понятно, что его декларации о необходимости «ревизии» секретных соглашений Антанты встретили весьма прохладное отношение английского руководства. Для них вопрос, гарантируют ли уступки России в вопросе о целях войны ее дальнейшее участие в ней, звучал риторически. После провала июньского наступления русской армии и реорганизации правительства во главе с А.Ф. Керенским английская позиция по отношению к слабеющей союзнице становится все более жесткой. Ярким ее проявлением, на наш взгляд, стала идея компромиссного мира за счет России, которая и оказалась в центре дискуссий на сентябрьских заседаниях правительства. Неудача корниловского движения, с которым британские политики связывали надежды на «спасение» России, подкрепила и без того серьезные опасения, что восточная союзница в ее нынешнем состоянии пойдет на заключение сепаратного мира с Германией. Для

его предотвращения английские политики были готовы на уступки Германии за счет Польши, Литвы, Курляндии или превратив их в буферные государства (как предлагал Бонар Лоу). Ллойд Джорджа, который энергично отстаивал идею ограничения Германии на западе и свободы на востоке, не смутили серьезные возражения его оппонентов. Ни Бальфур, который отстаивал необходимость сохранения единства союзников, ни даже Милнер, опасавшийся усиления Германии на востоке, не смогли остудить пыл премьера [4, р. 588–592].

Позиция Ллойд Джорджа свидетельствовала, что к осени 1917 г. произошла заметная эрозия принципа «мир на основе безоговорочного поражения Германии», основываясь на котором, британское руководство формулировало военные цели в начале года. Безоговорочное желание победить постепенно уступало место расчетам на то, что, воздействуя на Германию комбинированными военными и экономическими средствами, удастся заставить ее принять условия союзников. Отвергнув принцип *status quo*, британские политики до конца не сформулировали собственные территориальные требования, что, в свою очередь, оставляло поле для дискуссий. Наиболее впечатляющая оппозиционная точка зрения была высказана уже в ноябре 1917 г. бывшим министром иностранных дел лордом Ленсдауном.

Революционные события в России и почти совпавшая с ними по времени публикация письма Ленсдауна положили начало новому этапу британской политики в вопросах войны и мира, завершившемуся разработкой программы к Парижской мирной конференции, что должно стать предметом отдельного исследования автора.

Литература

1. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1934. Т. 1–2.
2. Rothwell V.H. British war aims and peace diplomacy. 1914–1918. Oxford, 1971.

3. Goldstein E. Winning the peace. British diplomatic strategy, peace planning, and the Paris Peace Conference, 1916–1920. Oxford, 1991.
4. Lowe R.J., Docrill M.Z. The mirage of power. London, 1971.